

Традиция: от прошлого к будущему

Традицию обыкновенно определяют как некую совокупность обычаев, верований и других культурно-исторических реалий, как живое прошлое и настоящее. Традиция есть последовательность исторических эпизодов, в каждом из которых есть повторение и в то же время перспектива возникновения нового. Эти исторические эпизоды связаны воедино событийно-исторической последовательностью. Традицией они становятся вполне тогда, когда их осмыслит историческая память, оформляя их как единую линию развития.

Ключевые слова: традиция, национальное, историческая память, преемственность, культурный синтез, культурные достижения исторической общности людей.

S. N. Artanovsky

Tradition: from past towards future

Tradition is usually considered a certain set of customs, beliefs and other aspects of culture and historic reality, a living past and present. Tradition is a sequence of episodes of history where reiteration and perspective are united. These episodes of history are a just sequence of historic events. Being considered as a complete tendency of development by the historic memory they become a tradition itself.

Keywords: tradition, national, historic memory, continuity, cultural synthesis, cultural achievements of a historic generality of people.

Традицию обыкновенно определяют как некую совокупность обычаев, верований и других культурно-исторических реалий, как живое прошлое и настоящее. Это верно, но сегодня в условиях быстро развивающегося общества, нужно определение более емкое и более отвечающее нашему умунастроению.

Традиция – это линия общественно-культурного развития, которая начинается в прошлом, питает настоящее и уходит в будущее. Это сокровищница ценностей, из которой мы можем почерпнуть многое из ценностей прошлого, что нужно для нашего социального комфорта и духовного совершенствования. Таково самое общее определение традиции, которое мы постараемся в дальнейшем углубить.

Слово «традиция» латинского корня. В латинском языке это слово означает «передачу», позже его значение расширилось до понятия преемственности.

Преемственность неотделима от развития. Преемственность как философско-историческое понятие обычно имеет историческую глубину. Оно начинается в каком-то пункте прошлого и проходит несколько ступеней. Линия преемственности может охватывать несколько исторических эпох, идти от поколения к поколению, от века к веку. Но история, как известно, есть изменение, одно и то же не повторяется дважды. Прошлое доходит до современности почти всегда в измененном

виде. Мы говорим «почти», ибо бывают случаи неизменного повторения культурных форм. Например, таковы религиозные ритуалы. Но это редкие случаи. Импульсы прошлого находят всегда модифицированный вид в настоящем.

Именно поэтому традиция как линия развития, в основе которой лежит преемственность, есть также становление нового.

Мы постараемся быть краткими и ясными.

Для этого мы воспользуемся несколькими западноевропейскими трудами, добавив к извлеченным из них мыслям собственные.

Мы отведем лишь небольшое место академической полемике, а также ссылкам, сноскам и прочей учености.

В научной литературе традицию часто определяют как передачу из поколения в поколение исторических фактов, религиозных доктрин, легенд – такую передачу, которая осуществляется устно и без убедительного подтверждения письменными источниками.

В таком значении это понятие употребляется в учении католической церкви. Там традицию понимают как совокупность исторических сведений, представлений, идей религиозного содержания, которые накапливались веками, вошли в доктрину и практику Церкви, но не содержатся в Евангелии и других столь же авторитетных канонических текстах. Однако существует и гораздо более

широкое понимание традиции. Оно отражено, в частности, во французском толковом словаре Литтре, который определяет ее как совокупность всего, что известно и что практикуется и передается из поколения в поколение с помощью слова и примера. К этому определению примыкает и другое: традиция есть живое повествование о прошлом культуры или ее части.

Однако сегодня большинство ученых не ограничивает сферу традиции устной передачей. Это, пишут они, приобретение и владение культурными достижениями, осуществленные исторической общностью людей, которая кладет его в основу своего современного существования.

В этом определении уже намечен переход от понимания традиции как исторической памяти к не менее важному пониманию как цепочки объективных исторических свершений. С этой точки зрения, традиция – это совокупность исторических событий, личных вкладов в них, духовных форм, связанных с ними. Эта совокупность ограничена рамками одного поколения или одного периода истории. Повторяясь из поколения в поколение, эта совокупность, имеющая всегда определенную конфигурацию, образует преемственность явлений, в которой преобладают повторение и устойчивость, но которая не чужда также исторических модификаций.

Иными словами, традиция – это социокультурный гештальт, воссоздающийся в несколько измененной форме из поколения в поколение. В этом процессе есть момент нового, хотя преобладает сохранение достигнутого. Лишь появление совершенно нового образа жизни и мыслей, новой парадигмы противостоит традиции.

По сути дела, каждый эпизод традиции есть новое хотя бы в том смысле, что событие, идея, образ или что-либо другое воссоздается заново, а не является слепым воспроизводством уже бывшего. В этом новом может быть, и обычно бывает, старое, но, как правило, в нем есть и вполне новое. Не так уж редко бывают исключения из этого правила, когда возникает повторяющийся стереотип, но они обычно связаны с фиксацией эпизодов традиции в виде текста или ритуала. Теоретическим антонимом для традиционного является не столько новое, сколько одномоментность. То, что находится не на некоей линии развития, входит в ткань событий «со стороны», противостоит традиции. (Реформы Эхнатона в Древнем Египте.)

Однако обновление традиции имеет свои пределы. В конце концов новое, накапливаясь в составе явлений, которые мы называем традицией, начинает как бы теснить ее основное ядро и со временем «взрывает» традицию. Новая парадигма, возможно уже раньше намечавшаяся в недрах старого, выходит на первый план, знаменуя крушение традиции.

Как было уже сказано, в общественном сознании, в исторической памяти как части этого сознания происходит осмысление традиции. Не только мысленно мы строим единую «линию» развития, объединяя сходные эпизоды в единое целое, но мы переживаем новые эпизоды традиции, рассматривая непосредственно происходящее сквозь призму представлений о данной традиции и тем самым отчасти видоизменяя сам эпизод. Традиция как идея, мыслимый континуум становится реальной силой исторического процесса.

Но связывание эпизодов в цепь событий – не единственная функция исторической памяти. То, как происходит это сцепление, зависит от значения, которое мы придаем этим событиям, а также их совокупности традиции.

Традиция как идея включает в себя оценку, что придает ей идеологический характер. Традиция ставится в связь с социальными и национальными интересами, в особенности же с государством. Те традиции, которые представляются нам соответствующими этим интересам и которые укрепляют государство, оцениваются нами положительно, и мы начинаем вкладывать в них определенный патетический смысл. Патриотическая традиция, сплачивающая общество и выступающая гарантом независимости страны, является ярким примером. Государство, стремящееся отождествить себя с национальным сообществом и черпающее свою силу в народном согласии, всегда готово поддержать патриотическую традицию. Факт одобрения обществом и государством традиции столь важен, что обычно мы называем традицией именно одобренную традицию, в то время как о традициях, которые мы порицаем, мы говорим как о «давнем обычае», не акцентируя закономерность нежелательной для нас традиции, а, скрадывая ее, представляя дело так, будто речь идет о чем-то, к сожалению, укоренившемся, а все же далеко от магистралей общественного развития. (Пьянство на Руси.)

При таком подходе лишь одобренная обществом или группами людей преемственность

будет называться традицией, в то время как дурная преемственность будет называться иначе. От понимания традиции как чего-то, безусловно, положительного, заслуживающего повторения, намечается логический переход к представлению о том, что традиция нормативна. Каждый раз, когда мы ссылаемся на определенную манеру действовать или чувствовать, считая ее правильной потому, что «так всегда поступали», можно говорить о традиции. Традиция в этом понимании – это поступки и высказывания, которые не принято ставить под сомнение.

Традиция, признанная нормой, нередко объявляется священной. Мобилизуется ряд символов, создаются ритуалы, призванные увековечить традицию и побудить людей «жить в ней». Некоторые зарубежные исследователи прибегают к сравнению традиции с игрой. В игре, пишут они, участвуют все, и все являются одновременно и зрителями, и действующими лицами. Наоборот, в театре часть участников суть действующие лица, остальные лишь зрители. Традиция, говорят эти ученые, напоминает игру, но не театр, ее участники живут в ней, т.е. они суть и действующие лица, и зрители, наблюдающие и осмысляющие ее (впрочем, в истории это не так).

Закрепление традиции, ее превращение в общеобязательную норму, а тем более ее сакрализация, нередко встречают препятствие в виде недоверия скептиков, которые спрашивают: почему надо следовать неким давним обычаям? Почему именно следует руководствоваться этими нормами, а не другими? Тогда пытаются подкрепить традицию ссылками на авторитетные тексты (в христианстве – на Библию, в советской науке – на классиков марксизма и т.д.). Однако такие ссылки можно оспорить. Вспомним, что развитие европейской науки нового времени началось с критики идей Аристотеля и Фомы Аквинского как незыблемой до той поры традиции схоластической науки.

Однако не логическая обоснованность определяет устойчивость традиции. Традиция сильна тем, что создает образ жизни, удобный и дающий ощущение стабильности для общества в целом или его отдельных социальных слоев. Следование стереотипу всегда надежнее и проще, чем социальные новшества и эксперименты. Как правило, тяга к новому, тем более к совершенно новому образу жизни, вознаграждается не сразу и лишь после трудного переходного периода.

Рассматривая этот вопрос, мы переходим от анализа структуры понятия традиции к проблеме ее общественной функции. Об этом сказано в социологической и культурологической литературе немало. Дискуссии начались уже в эпоху Просвещения.

Неприязнь, которую философы-просветители XVIII в. питали к традиции, объясняется тем, что они понимали ее как слепое повиновение вороху смутных разрозненных установлений, нередко прямо противоречащих природе, установлений, которые не подтверждались ничем, кроме их древности. Этой рационалистической точке зрения консервативно настроенные мыслители (например, Эдм. Берк, высказывавший свое мнение в книге о французской революции конца XVIII в.) противопоставляли иную концепцию. Берк начинает с того, что традиция и право (в той мере, в какой оно совпадает с традициями) возникли из интересов и предрассудков. Но, возражает Берк философу-просветителю, располагаем ли мы другими критериями, кроме интересов и предрассудков, в особенности если они прошли через горнило опыта многих поколений, который очистил их от дурного и случайного и консолидировал их? Согласно идеям Берка, то, что дает весомость и значимость, – это не только ее роль как способа консервации прошлого как такового, но и ее способность с помощью избирательной процедуры обеспечить, хотя бы частично, превращение прошлого как исторического факта в опыт и мудрость. Пониманию традиции, которое видит в ней лишь слепую воспроизводящую силу, следует противопоставить иное, которое учитывает и проверенные временем и ценностные аспекты, а также и, в особенности, способствующие движению вперед. Что важно – это не традиция, какой она предстает в своей завершенности, как нечто сделанное, а как становление, которое делает самое себя.

Традиция – это не прошлое, несводимое к разуму и рефлексии, которое навязывает нам себя всей своей тяжестью, нет, это процесс, который порождает живой и пластичный опыт.

Как правило, традиция не интегрирована полностью и не обладает внутренней однородностью. Однако традиция имеет жесткое ядро, складывающееся из устоявшихся предпочтений и образа действия. Это и позволяет каждой живой традиции быть связью между эпизодами одной и той же истории. Вместе с тем внутренняя слаженность традиции не гарантирует ее от возможного упадка или полного разложения.

Таково современное представление о животворящей силе традиции, развивающее идеи Эдм. Берка.

В социальных науках широко распространено противопоставление «традиционного общества», в котором господствуют традиции, подчиня себе общественное поведение индивидов, и современного общества, в котором традиции слабы и едва ли не находятся на грани исчезновения. Само по себе различие между обществом, основанном на кровнородственных, наполовину общинных отношениях, натуральном хозяйстве, и современной цивилизацией («гражданским обществом») реально, но отнюдь не сила или слабость традиций в них является критерием этого различия. Традиции сильны в любом обществе, а в современном их даже значительно больше, чем в общинно феодальном. Другое дело, что характер их изменился. В древнем и феодальном обществе традиций было сравнительно мало, но они были общеобязательны или, по меньшей мере, обязательны в сообществах людей одного ранга или сословия. В условиях мозаичной культуры Нового времени их стало гораздо больше, но теперь они обязательны чаще всего в пределах относительно малых групп, да и там индивид имеет возможность игнорировать их или переходить к другим традициям. Иными словами, традиции стали дробными и не столь уж обязательными. Правда, еще существуют более или менее общепринятые традиции, к числу которых принадлежит патриотическая традиция. Но и она порой в «эпохи смуты», которые время от времени переживают национальные сообщества, теряет поддержку всего общества, сохраняя свое значение в тех его слоях, в которых еще не иссякли «соки земли», и в умах наиболее прозорливых мыслителей.

В наши дни в кругах либеральной интеллигенции наметилось противопоставление «культуры» (конечно же, «мировой») и «общечеловеческих ценностей» «народу» и «нации» как основным понятиям социальной мысли. Эта подмена ключевых категорий не провозглашена открыто, но она проводится настойчиво. Однако подлинно содержательны лишь те понятия, за которыми стоит многовековая история, которая, в первую очередь, есть совокупность традиций. Животворящей силой человеческого развития являются народы, создавшие каждый свою неповторимую культуру, выработавшие свои уникальные традиции.

И в той мере, в которой они в настоящее время вообще существуют, мировая культура и общечеловеческие ценности суть культурный синтез, глубоко противоречивый и далеко не завершенный, в котором явственно проступают черты тех национальных традиций, из которых он сложился.

Еще столетия тому назад американский социолог К. Болдинг выдвинул понятие «суперкультуры», под которой он понимал широкую совокупность достижений современности в области «градостроительства, аэропортов, университетов, медицины и других сфер». Однако американский ученый заметил, что «суперкультура» сильна там, где она наслаивается на крепкую народную культуру. И верно: культура всегда была национальна и традиционна, что же касается межкультурного синтеза, примеров которого в истории множество, то он черпал свою силу в национальных традициях, которые он видоизменял, но от которых редко отказывался вообще.

Традиция, как утверждают ученые, – это приобретение и владение культурными достижениями исторической общности людей как основы их современного существования. Протяженный характер прошлого, понимаемого как расширение сиюминутной действительности и как включение далекого в близкое. Лишь на основе освоения уже имеющегося человеческого опыта, сконцентрированного в традиции, возможно движение общества вперед. «Традиция – это корни. Борьба с традицией – борьба с культурой», – писал Илья Глазунов.

Традиции в основном являются национальными. Вопрос об интернациональных традициях, которые как будто появляются сейчас, еще не созрел.

Что такое национальная традиция? Это живое прошлое народа, которое находится в наших умах и сердцах, в учебниках, по которым учатся наши дети, в книгах, которые мы читаем, в радио- и телепередачах, которые мы слушаем и смотрим. В традиции отобрано все лучшее, что создано веками исторического развития.

Мы рассмотрим патриотическую традицию России – по необходимости очень коротко.

Итак, в итоге обсуждения того, что такое традиция, я дал определение традиции. Традиция – это последовательность исторических эпизодов, единых по своей тематике, которые историческая память осмысляет как единую линию развития.

Теперь остановимся на вопросе о традиции и Родине как единой традиции и множественности традиций в истории каждого народа.

Родина сама по себе есть большая традиция. В этом смысле Родина есть последовательность исторических эпизодов своего развития, которую историческая память оценивает как единое явление – Родину.

Но в пределах культурно-исторического развития Родины существует множество различных традиций. Некоторые из них крупные, наличествующие в жизни каждого народа. Другие – менее значительные, которые у одного народа могут быть, а у другого отсутствовать.

К числу первых относятся военно-патриотическая традиция, духовно-религиозная традиция, художественная традиция, традиции, связанные с понятиями истины, добра и красоты. И, естественно, ряд других традиций. Перечислить их, конечно же, невозможно, да и не нужно.

Традиции часто делят на положительные и отрицательные. Такая семантика возможна, но я не склонен ее принимать. Отрицательные традиции, как правило, неустойчивы и дисфункциональны. Они являются тормозом общественно-культурного развития. Будем называть традициями лишь положительные линии развития общества и его культуры.

Традиции складываются из явлений, которые получают положительную оценку со стороны общества. Проще говоря, они имеют положительный смысл. Ценности возникают в ходе исторического развития, история идет вперед, и с этими ценностями что-то происходит. Часть из них становится основой дальнейшего развития, преобразуется в соответствии с запросами времени, сохраняя, однако, свой положительный заряд. Иными словами, они служат импульсом дальнейшего развития. «Надо вырастить новую культуру из старых корней», – сказал в свое время Т.С. Элиот. По сути дела это естественный процесс, однако, необходимо ему способствовать, оберегая от дурных влияний со стороны.

Тем не менее в ходе исторического развития некоторые явления, имевшие несомненный положительный смысл, не становятся стимулом дальнейшего развития, по крайней мере, в непосредственном будущем.

Эти явления оцениваются обществом как имевшие большой исторический смысл, ввиду чего остаются в поле зрения последующих поколений, но внимание к ним носит свое-

образный характер. Они становятся предметом академического изучения, издаются, нередко становятся музейным экспонатом. Они не полностью теряют свой живой характер, время от времени внося что-то в последующее развитие, но их животворная функция ограничена. Случается, что с течением времени они возвращаются в русло живой культуры. Хорошо известны забвение и возрождение Шекспира, новый интерес к музыке И.-С. Баха в эпоху романтизма. Но это не столь уж частые явления.

Поясним нашу мысль о двух видах традиции на примере творчества И.А. Крылова. Басни Крылова вот уже второе столетие являются живой литературой, которую мы усваиваем начиная с детства и к которой мы обращаемся в более поздние годы. Сами, являясь отражением душевного склада русского народа, да и россиян вообще, эти басни способствовали укреплению характерного менталитета нашего народа. Однако не все знают, что у Крылова есть несколько комедий, которые он написал в юные годы. Эти пьесы печатаются в собраниях сочинений Крылова, изучаются филологами. Алексей Веселовский в своей известной книге о западных влияниях в новой русской литературе приводит их как пример французского влияния на русскую словесность. Однако их возврата в читаемую широкой публикой литературу не наблюдалось и пока не предвидится.

Связь между живой, актуализированной культурой прошлого и ее другой, академически музейфицированной частью, обычно сохраняется, образуя единую традицию национальной культуры.

Соотношение этих двух частей культурного наследия меняется в зависимости от исторической эпохи. Хотя этот процесс изменения идет в основном естественным путем, имеется и некоторая доля усилий дабы направлять культурное развитие в определенное русло. Сторонники классической традиции стараются поддержать академические штудии и музейное дело на высоком уровне и обеспечить его влияние на развитие живой культуры.

Модернисты спешат вперед, оставляя позади, как им кажется, культуру прошлого. Однако это забвение обычно носит относительный характер, если речь идет о подлинной культуре. Так в своих воспоминаниях футурист Бенедикт Лившиц рассказывает: «Мы говорили о том, что необходимо сбросить Пушкина с парохода современности, но засыпали с томиком Пуш-

кина под подушкой». Оценивая этот афоризм, следует помнить, что для футуристов Пушкин был частью музейной культуры.

Вопрос о соотношении различных пластов традиции становится особенно актуальным в ситуациях слома культурной традиции и последующих попыток ее восстановления. Ученые, изучающие эволюцию живой природы, утверждают, что ее развитие опирается не столько на предшествующую эпоху, сколько на ту, которая предшествовала предшествующей, т.е. на позапрошрое. После Октябрьского переворота 1917 г. в нашей стране произошел слом некоторых важных культурных традиций. Уже в последующие годы существования советской власти встал вопрос о возврате к этим традициям, а к некоторым из них, например к патриотической традиции, возвращение произошло уже раньше. Но едва зашла речь о продолжении дореволюционных традиций, как возникли серьезные проблемы.

Остановимся на одном эпизоде попыток возвращения к старине. В своих насыщенных идеями очерках Владимир Солоухин описывает разрушение сельских церквей, их передачу для нужд колхозов, массовое уничтожение икон, многие из которых имели художественную ценность, ибо таили в своей глубине слои старинной живописи. Когда Солоухин писал свои эссе, он не мог сказать, что назрел вопрос о восстановлении утраченных культурных ценностей. Но весь описанный им материал был намеком на необходимость этого воссоздания. Теперь об этом говорят вслух.

Но насколько реальны перспективы такой реставрации? Русская икона стала уважаемой современной русской культурой, но, чаще всего, в музеефицированном варианте. Во многих церквях она имеет еще живой смысл. Но действующих церквей у нас сегодня немного. Но можно ли вернуть этот смысл тысячам, если не десяткам тысяч сельских церквей, разбросанным по всей России? Можно отстроить эти церкви, восстановить иконостасы по музейным образцам, но много ли будет посетителей в этих церквях? Русская деревня разорена, молодежь ушла в город, остались немногие. Предпосылкой восстановления сельских церквей является, наверное, воссоздание самой деревни – естественно, в новом виде, со скромным комфортом, с новыми хозяйственными отношениями.

В настоящее время в критическом состоянии находится не только русская деревня, но и гораздо более крупные мировые и национальные структуры.

Кризис охватил США, Западную Европу и Россию. Спекулятивная экономика этих регионов находится в падении, престиж наций и суверенных государств подорван, продолжается военная и финансовая агрессия единственной теперь супердержавы, прикрытая лозунгами глобализма. В области духовной происходит коммерциализация культуры, засилье низкопробной поп-культуры, потеря значения классической культуры. Духовные ценности, требующие умственного напряжения и работы человека над собой, находятся под знаком вопроса.

Однако эти тенденции порождают противодействия, стремление к поддержанию и восстановлению традиций, к сохранению и актуализации старинной культуры, к возрождению национальных ценностей и к перестройке международного сотрудничества на основе уважения к самобытности общающихся народов. В этих условиях актуальным становится вопрос о культурном наследии.

Самое понятие культурного наследия является продуктом отчуждения.

В прошлые века культура современности рассматривалась как естественное продолжение и поддержание культуры прошлого с теми немногими вариациями, которые привносило время. Но стремительное развитие техники и прикладной науки изменило психологию буржуазного общества. Если техника так быстро идет вперед, чуть ли не каждый день оставляя позади старые модели вещей, отчего бы и духовному развитию не двинуться в том же темпе? Локомотив культурного развития стремительно рванулся вперед, машинист уже не замечал, что состав вагонов культурного наследия остался где-то позади. Чтобы спасти драгоценный груз, оставшийся в этих вагонах, и было введено понятие культурного наследия. Конечно, старинную культуру, наследие предков ценили и раньше. Но тогда между ней и актуальной культурой общества не было существенного разрыва. Теперь эта пропасть появилась. Так стали говорить о сохранении культурного наследия.

Появились многочисленные структуры, призванные осуществить это провозглашенное благородное дело: музеи, библиотеки, академические издания классиков, социальные институты, специально посвященные такого рода деятельности. Их сегодня много. Это общества под названием «Наследие», это Комитет сохранения культурных

ценностей в системе ООН. Недавно в Дрездене решили построить новый мост через Эльбу, население города поддержало этот проект. Но Комитет справедливо рассудил, что это испортит вид старинного города. И когда город отказался внять его увещаниям, вычеркнул Дрезден из списка культурного наследия ЮНЕСКО.

Говорят, что строительство небоскреба на Охте в Санкт-Петербурге может повлечь за собой такие же последствия.

Но усилия ревнителей старины мало что могут изменить. Недавно были разрушены бывшие казармы Преображенского полка в районе Таврического сада. Там будет построен жилой дом и развлекательный квартал. Такого рода проектов великое множество во всех странах мира. Культурное наследие, если мы хотим сохранить его как воплощение духовных ценностей прошлых исторических эпох, должно быть сохранено по возможности в первоначальном виде, иными словами, должно быть музеефицировано, что не означает, конечно, того, что мы можем почерпнуть из него много ценного и полезного для дальнейшего культурного развития.

Однако здесь мы встречаемся со сложными проблемами. Прежде чем остановиться на них, уточним понятие музеефицированной культуры. Оно имеет три аспекта. Во-первых, это свидетельство прошлых эпох; во-вторых, это напоминание о нашем уважительном отношении к этому наследию; в-третьих, это, как правило, непреходящие эстетические и иные ценности.

Характерным примером этого являются памятники. Памятники делятся на две категории: те, которые были созданы именно как памятники, т.е. как символы нашей связи с прошлым, как чувственно воспринимаемое воплощение нашей исторической памяти; и те, которые первоначально имели функциональное значение храма, жилища, средства сообщения информации, «газета», а потом были переосмыслены как памятники прошлых веков. Вторая категория принадлежит целиком музеефицированной культуре, хотя порой сохраняет некоторое значение эстетически воспринимаемого украшения городов или особо изящного предмета, например старинная иллюминированная рукопись.

Но проходит время, и памятники первой категории, что-то непосредственно говорящие современному человеку о прошлых событиях, сами становятся предметом старины и ничего

уже нам не говорят, кроме повести об историческом прошлом, которое, может быть, и не так уж волнует нас. Так памятник Петру Великому работы Растрелли около Инженерного замка или конная статуя Николая I на Исаакиевской площади не столько пробуждают в нас эмоционально окрашенные воспоминания об этих исторических деятелях, сколько воспринимаются нами как исторические свидетельства и первоклассная работа скульпторов.

Так образуется единая категория памятников, которая суть исторические документы, доказательства нашего внимания к прошлому и творения изящных искусств.

Впрочем, есть и такие памятники, их немного, которые продолжали и сейчас продолжают вызывать живой отклик у современников и потомков на протяжении длительного исторического времени. К их числу относится конная статуя Марка Аврелия в Риме, которая служила стимулом творчества скульпторов почти всех европейских стран на протяжении значительного времени. Ее влияние сказалось и на монументе Петру Великому работы Растрелли, которую мы уже упомянули. Она так бы и осталась лучшим памятником Петру, если бы не затмил «Фальконетов монумент». Он подвергся многочисленным интерпретациям, осмыслению, переосмыслению в произведениях русской классической литературы. Как известно, Фальконе создал образ просвещенного монарха, каким его себе представляли европейские просветители.

Пушкин в своей поэме, сохраняя верность основному замыслу Фальконе, дал его истолкование в историческом и национальном смысле. Он сделал образ Петра двухмерным, прибавив динамическую силу, порой способную погубить человеческую личность. В конце XIX в. Иннокентий Анненский в стихотворении «Петербург», с одной стороны, сгустил темные краски вокруг фигуры Петра, а с другой – противопоставил его царственную и созидательную мощь предательскому образу змеи, символу революционеров-террористов. То, что для Фальконе было техническим приемом, в понимании Анненского стало символом измены. Позже новую трактовку «Фальконетову монументу» дал Андрей Белый в романе «Петербург». Это лишь немногие примеры. «Медный всадник» и сегодня волнует тех, кто созерцает его, напоминая о былой славе России и указывая путь к новым победам.

Музеефицированная культура, да и культурная традиция в целом, нередко подвергается сакрализации – в более широком смысле, чем просто религиозная санкция. Традиция приобретает характер образца чего-то в высшей степени замечательного, внушающего мужество и творческую энергию. Она рассматривается как вечная и не подлежащая изменению в своей сущности. Уже в александрийскую эпоху греческой истории возникло желание сохранять лучшее из культуры прошлого, показать потомкам сколь славными были их отцы и деды. Знаменательные даты, памятники, собрания сочинений классиков и многое другое призваны поддержать своим авторитетом сакрального лучшие традиции. Так, существует праздничный календарь, в котором отмечены некоторые значимые для современного общества события. Предполагается, что вокруг этих дат в коллективном праздничном веселье сплотится нация. Заметим, кстати, что в современном российском календаре праздничным красным не обозначены дня рождения А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова, дата отмены крепостного права в России и другие важные для нашего народа события российской истории.

Между тем, уже в 20–30-х гг. прошлого столетия русская эмиграция, обладая ограниченными материальными возможностями, все же широко отмечала как национальный русский праздник день рождения великого поэта.

С поддержанием традиций связана так же деятельность музея.

Музей – это собрание сакральных предметов, чрезвычайно важных как исторических свидетельств и непреходящих ценностей в области красоты и изящества. Предметы, собранные в музейных залах, сообщают зданию музея, да и музею как социальному институту вообще, особую торжественность и сакральный характер. Музей – это храм культуры. Но и то, что предмет стал экспонатом музея, так же придает ему значение и важность. Музей можно и должно популяризировать, снабжая его хорошо подготовленными гидами, различными буклетами, кинофильмами и другими средствами, способными донести его сокровища до широкой публики. Но он должен оставаться храмом культурного наследия, лишь в виде редкого исключения его бесценные предметы можно отправлять на выставки. Особенно за границу.

Особым вопросом является показ музейных экспонатов туристам. Чаще всего туристы довольствуются общим осмотром города, не стремясь или не имея времени заглянуть в музей. В городе для них и так много интересного, их привлекает не столько музеефицированная культура, сколько люди и культура живая, побродить по улицам для них более любопытно, чем осматривать иную картинную галерею, не считая, конечно, особенно знаменитых вроде Эрмитажа или Лувра. Но если иной турист захочет посетить музей, с группой или индивидуально, это делает ему честь, ему помогут гиды и соответствующая литература, но он и сам должен проявить настойчивость в духовном овладении музейными выставками. То, что дается легко в культуре, немногого стоит. Воля к постижению экспоната как знания, а не как курьеза, повышает значимость созерцаемого предмета и обогащает сознание туриста. «Знание для тех, кто настаивает на знании. Все остальное – значит пасти стадо овец» (Эзра Паунд).

Как известно, задача музея заключается в хранении материальных предметов, являющихся свидетельствами прошлого, их изучении, экспонировании в целях просветительской деятельности. Однако в наши дни утверждают, что музей должен быть объединен с бизнесом, он должен зарабатывать деньги, развлекая почтенную публику. Как такое могло случиться?

После буржуазного контрреволюционного переворота августа 1991 г. в стране установился компрадорский режим, мораль которого – в накоплении денег, последующем переводе их за границу и растрате их на покупку особняков и на всевозможные чувственные развлечения. Что же касается **просвещения**, то о нем предпочли забыть. Российская культура с того времени была посажена на голодный паек, но что более важно – произошло коренное изменение стратегии в отношении к культуре. Идея просвещения возникла очень давно, наверное, в Евангелии, где оно понималось как приобщение **всех** людей к истинной вере. Когда христианство распространилось по всей Европе, такое религиозное просвещение считалось важнейшим принципом деятельности Церкви и Государства на протяжении многих столетий.

В XVIII в. французские просветители произвели секуляризацию просвещения. Как представители нарождающейся буржуазии, они придавали боль-

шое значение также развитию ремесла, мануфактурного производства, торговле и коммерции вообще. Но на первом плане у них было «внесение света во тьму», бескорыстное стремление передать народным массам достижения науки и искусства, всей цивилизации, которые до этого были достоянием верхушки общества. Такое понимание просвещения вскоре распространилось по всей Европе, в частности проникло и в Россию. Одним из первых русских просветителей был Н. И. Новиков. Позже пришел период дворянских просветителей, еще позже – разночинной интеллигенции второй половины XIX и начала XX в. Создалась устойчивая просветительская традиция. И ее подхватили большевики. В последний период существования советской власти эта традиция продолжалась.

С началом «перестройки» эта традиция была прервана. По стране прокатилась огромная волна коммерциализации культуры, система образования, созданная в советское время, разрушена, учреждения культуры, обслуживающие музейфицированную культуру, вынуждены думать о заработке, который достается им развлекательной деятельностью, в особенности обслуживаем туристов. Это коснулось и музея и не могло не отразиться пагубно на нем. В обществе идут разговоры о том, что запасы музеев разграблены, происходят скандалы за скандалом, связанные с хищениями из музейных фондов. Экспозиции музеев, постоянные и временные, все больше эволюционируют в сторону легкого жанра. Государственное финансирование музеев остается на низком уровне. В итоге посещаемость музеев падает. Что будет дальше – никто не знает.

То внимание, которое я уделю музейфицированной культуре, не должно отвлечь нас от главного, что есть в традиции, – необходимости «вырастить новую культуру из старых корней», как мы уже цитировали. Ф. И. Тютчев не был простым продолжением А. С. Пушкина, он был в высшей степени оригинальный поэт, но дух Пушкина присутствует в его творчестве.

Живая традиция осуществляет преемственность в развитии общества и культуры непосредственно, музейфицированная культура доставляет нам эстетическое удовольствие и укрепляет нашу национальную гордость. Таким образом, традиция во всей ее целостности способствует как общественному прогрессу, так и сохранению накопленных человечеством ценностей. Эта закономерность сохраняет свою силу и сегодня.

В настоящее время Россия стоит перед лицом насущной необходимости в модернизации. Приступая к рассмотрению этого аспекта понятия традиции, скажем несколько слов о том, как мы понимаем соотношение развития и модернизации. Развитие представляется нам как более широкое понятие, включающее все аспекты общественно-культурного роста. В отличие от этого модернизация имеет главным содержанием технологический и экономический прогресс. Говорят, что модернизация должна идти широким фронтом. Это верно, ибо в социокультурной Вселенной все связано со всем, социальное и культурное развитие поддерживает технологическую модернизацию. Однако в развитие входят и очень многие явления, которые трудно отнести к модернизации. Например, симфоническая музыка развивается, меняет свой стиль, но вряд ли это имеет прямое отношение к модернизации.

Есть и другое различие. Развитие в известном смысле бесконечно. Человеческое общество всегда развивалось, правда, неравномерно, и надеемся, будет развиваться и в дальнейшем. Модернизация – это акция единовременная, задача модернизации стоит перед странами БРИК и другими государствами в силу их стремления стать наравне с «золотым миллиардом» по уровню благосостояния.

Национальная традиция каждого народа является опорой как его развития, так и модернизации его экономики и технологии. В частности русская национальная традиция, как и традиции других народов России, является опорой модернизации нашей страны. Особенностью исторического развития России являются крупные сломы традиции. Традиции Киевской Руси получили лишь частичное продолжение в Московском государстве, потом последовал петровский натиск на традиции Московского государства, затем большевистская попытка уничтожить имперскую традицию России. Уже на наших глазах то, что было создано и восстановлено в советский период отечественной истории, было бездумно расхищено и распродано в угоду иностранцам и собственным нуворишам. В нынешнем 2010 г. мы замечаем какую-то лихорадочную активность, напоминающую ту, которая была в годы перестройки (1991–1992 гг.).

Несмотря на это, отечественная традиция никогда не пропадала вовсе, мы получили от наших предков много ценного. Теперь перед нами стоит задача приумножить эти сокровища и передать их следующим поколениям.

Отечественная историческая традиция необъятна в своей тысячелетней полноте, вместе со своими либералами и демократами, умеренными консерваторами и твердокаменными монархистами. Для развития нашего общества она нужна целиком, хотя, изучив ее, мы, естественно, сделаем свой выбор. Для целей модернизации необходим более узкий спектр, но и в нем наше изложение может коснуться наиболее важных моментов. Нам представляется, что сегодня такими моментами являются следующие: коллективный характер труда и досуга, характерный для нашего народа; особое значение государственности в российской истории, то, что Ф.М. Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» русского народа.

Что касается коллективизма нашего народа, он проявился уже в славном прошлом крестьянского труда, когда русский «мир», сельская община были основой русского мира (уже без кавычек) как нашего традиционного общежития и трудовой активности. Традиция русской сельской общины в новой форме была продолжена в советский период нашей истории в виде колхозов и совхозов. Возможно, они будут преобразованы в сельскохозяйственные кооперативы. Приходится оговориться, что в современных российских больших городах традиции коллективного труда и общежития подверглись основательной эрозии. Попытки восстановить их предпринимались не раз, но пока что без особого успеха.

Русский человек подвергался постоянному натиску врагов – сначала степняков с Востока, позже иноземных рыцарей Западной Европы. Русская равнина была удобным полем для вторжения захватчиков. Такой она остается и сегодня. У кого было искать русскому человеку защиты, как ни у князей и государей? Отсюда склонность русских искать государственного покровительства. Русский человек терпеливо подчиняется власти, редко уважает ее и любит ее. В становлении такого патернализма сыграла роль византийская традиция. В настоящее время, как сказал главный редактор одного из московских журналов, государство не адекватно самому себе, т.е. его реальность не соответствует идеалу государства. Чтобы провести модернизацию, нашему государству предстоит преодолеть свое малодушие и оказать достойным наших национальных задач.

Что касается «всемирной отзывчивости», то она выработалась в тысячелетнем историческом процессе международных связей России.

Контакты с иноземными народами послужили стимулом творческого развития многих областей нашей культуры. Без влияния Западной Европы нашу культуру представить себе трудно. Однако в ходе культурных контактов с внешним миром было много слепого копирования, умаления собственного в угоду иностранному. Это то, что мешает модернизации, которая не должна быть догоняющей, должна искать собственную модель. Это возможно лишь при высоком уровне национального самосознания народов России. Пока что он оставляет желать лучшего.

Наша характеристика этих трех российских традиций может показаться спорной. Сегодня споры о нашем прошлом разлились широкой рекой. Одни доказывают, что советский период отечественной истории был пустопорожним, это, мол, была сплошная «Тухляндия». Другие доказывают, что сословная монархия Александра III и Николая II была насквозь прогнившим обществом. Конкретный анализ нашего прошлого – тема важнейшая, но требующая особого исследования. Мы же ограничимся кратким методологическим замечанием.

Каждая традиция связана с интерпретацией, она образуется в результате осмысления длинной цепочки исторических фактов в умах людей. Поэтому споры о содержании традиции естественны, и они в состоянии придать ей критическую глубину. Но они будут плодотворны только в том случае, если мы будем отыскивать в нашем прошлом **ценное**, которое и составляет подлинную традицию. Нам нужно найти то, что способствует движению общества вперед, применительно к современности помогает осуществить модернизацию. Промежуточным звеном между национальной традицией и модернизацией является национальное самосознание. Только наш общий порыв в состоянии обеспечить модернизацию. Будем же надеяться, что он состоится.

Итак, традиция есть линия общественно-культурного развития, имеющая историческую глубину, состоящую из ряда эпизодов, объединенных тематически и оформленных и закрепленных в исторической памяти.

Закончим нашу статью тремя последними строчками из стихотворения Николая Гумилева «Молитва»:

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!